

ЮРИЙ ПАВЛЕНКО,

*доктор философских наук, главный научный
сотрудник Института мировой экономики и
международных отношений НАН Украины*

Итоги цивилизационного развития человечества

Abstract

The article explores the perspectives of the global development in the beginning of the new millenium by analysing the general tendencies of history and its civilization variety. The author concludes that nowadays the future of different regions depends on their ability to adapt modern world's achievements (in science, technology, organization etc.) to their national and cultural foundations. He supposes that in the XXI-st century there will be two global rival centres with leading roles — West (North America — Western Europe) and Far East (Japan — China). The chances of transition to the stage of information society in other regions are estimated as dubious.

Предварительные замечания

Люди склонны придавать круглым датам мистическое значение. В 1000 году в Западной Европе, уже перешедшей на летоисчисление “от Рождества Христова”, люди в ожидании “конца света” уделяли больше внимания молитвам, чем труду, тогда как Византия и новообращенная в христианство Киевская Русь, где годы отсчитывались от “сотворения мира”, не были охвачены подобными эсхатологическими настроениями. Апокалиптические прогнозы не обошли и 2000 год. В этой связи уместно вспомнить очередное перетолкование центурий Нострадамуса [1] или акции “Белого братства”.

Вместе с тем, нельзя не констатировать, что переживаемый нами рубеж тысячелетий действительно ознаменован существеннейшими планетарными изменениями. В самом начале 90-х годов некоторым казалось, что их сущность состоит в победе Запада над СССР, а шире — в том, что с крахом коммунизма, как заявил Ф.Фукуяма, в мировом масштабе западная модель

общественного устройства остается единственной и безальтернативной [2]. Фактически к аналогичным выводам (только с прямо противоположной, негативной оценкой такого рода перспектив) пришел и А.А.Зиновьев [3].

Выводы Ф.Фукуямы уже тогда вызвали многочисленные возражения, в частности, со стороны З.Бжезинского, который указывал на конфессио-нально-фундаменталистские формы неприятия основ западного общества представителями других цивилизаций. Вскоре последовал и ответ С.Хантингтона, согласно которому эпоха глобализации чревата “столкновением цивилизаций”, а не всеобщим смиренным благоговением перед Западом как единым для всех идеалом [4].

Реалии последних лет заставляют склоняться к хантингтоновской оценке современности как (выражаясь в понятиях синергетики) своего рода “точке бифуркации” цивилизационной истории. Старые принципы поддержания устойчивости мировой системы перестали работать, и перед человечеством открывается спектр новых возможностей через взаимодействие различных цивилизаций с их собственными социокультурными основаниями. Американский исследователь ориентирован на перспективу усиления мировой гегемонии Запада. Однако, учитывая стремительный экономический подъем Китая и нарастание антизападных настроений во всем мире, особенно в мусульманских странах, он отдает себе отчет в том, что перспектива установления “нового мирового порядка” под эгидой США не является безальтернативной.

С учетом сказанного можно определить некоторые исходные посылки понимания современного состояния человечества.

1. На рубеже II–III тысячелетий человечество переживает одну из самых существенных в своей истории трансформаций. Эти изменения, весьма условно схватываемые термином “глобализация”, сопоставимы лишь с “неолитической революцией” [5] — переходом к земледельческо-скотоводческому типу хозяйства, имевшим место на Ближнем Востоке приблизительно десять тысячелетий назад.

2. В течение последних столетий, а особенно в XIX–XX веках, человечество превратилось в единую (глобальную) функциональную систему. Центральное место в ней занимает Запад, благодаря усилиям которого такая система и возникла. В ближайшем отношении к Западу находятся имеющие с ним, в значительной степени, общие социокультурные основания Латиноамериканский и Евразийский миры. Втроем они образуют Макрохристианский мир, причем в планетарном масштабе Запад непосредственно контролирует и наименее развитые регионы, в частности Тропическую Африку и Океанию. Параллельно с Макрохристианским миром существуют еще три большие цивилизационные системы, пребывающие в течение последних веков в сложном взаимодействии с Западом. Это Мусульманско-Афроазиатский, Индийско-Южноазиатский (индуистско-буддийский) и Китайско-Дальневосточный (конфуцианско-буддийский) миры [6, с. 318–338; 7, с. 108–127].

3. Мировая гегемония Запада во главе со США на сегодняшний день сомнений не вызывает. Однако тезис относительно того, что превосходство Запада над всеми прочими социокультурными системами человечества настолько велико, что ни у одной из них нет шансов в перспективе сравняться с ним и составить ему конкуренцию, отнюдь не является бесспорным. При-

меры послевоенной Японии и современного Китая позволяют предполагать обратное. Из такой возможности (и опасаясь ее) исходит С. Хантингтон в своем прогнозе “столкновения цивилизаций”. Поэтому в долгосрочной перспективе представляется вероятной новая форма антитезы “Запад–Восток” как альтернатива североатлантического и дальневосточного цивилизационных вариантов.

Отталкиваясь от сказанного и опираясь на разработанную ранее методологию осмысления социокультурного процесса на основании взаимодополняемости принципов стадийности, полилинейности и цивилизационной дискретности исторического движения [6, с. 181–220; 7, с. 33–86], постараемся теперь оценить наше переходное время в контексте предшествующей истории человечества и умозрительно представимых его перспектив.

Современная эпоха в контексте стадиального развития человечества

В настоящее время мы подходим к завершению некоего десятилетия-летнего всемирно-исторического цикла, соответствующего периоду становления и развития мировой цивилизации в ее привычных для нас формах. Это очевидно, даже если отвлечься от концепций космоклиматических циклов.

Не зная будущего, не рискуем утверждать, вслед за Г.В.Ф.Гегелем, что “Абсолютная идея” уже воплотилась в своем конкретно-историческом бытии, или, вместе с К.Марксом, смотреть на прошлое как на “предысторию”, полагая собственно историей человечества лишь то, что начинается сейчас. Ограничимся констатацией того факта, что человечество, благодаря усилиям Запада, впервые за всю свою историю в течение последних столетий превратилось в глобальную структурно-функциональную систему.

В ее рамках Запад выступает в качестве локомотива мирового развития. Он занял доминирующее положение и, благодаря своим специфическим цивилизационным особенностям (сочетающим рационализм, индивидуализм, капитализм, прагматизм, техницизм и пр.), в течение двух столетий (с момента промышленного переворота в Англии) развил немислимые для предшествующих эпох производительные силы. Он создал всемирную финансовую систему и (в результате компьютерного переворота) всемирное информационное поле. Это поле становится основой функционирования всей глобальной системы.

На планете сложилась жесткая иерархия, покоящаяся на трех формах доминирования Запада: финансовой (транснациональные компании, базирующиеся преимущественно в США), военно-политической (превращение НАТО, под главенством США, в единственного “мирового жандарма”) и информационной (бесспорное лидерство США в соответствующей сфере технологий). Информационная гегемония в настоящее время начинает играть определяющую роль по отношению к двум первым. Поэтому новый тип общества, на наших глазах утверждающийся в наиболее развитых странах и играющий определяющую роль в планетарном масштабе, вполне можно называть информационным.

Информационная сфера начинает доминировать над производственной и определять характер последней точно так же, как производственная в

земледельческо-скотоводческо-ремесленных обществах определяла характер присвоения природных богатств. Поэтому (с учетом наметившейся в последнее время перспективы) всемирно-исторический процесс можно разделить на три основные эпохи: присваивающую, производящую и информационную. Они достаточно четко коррелируют с фазами климатического и экологического состояния Земли, в частности в аспекте известной концепции ноосферы В.И.Вернадского и П.Тейяра де Шардена [8; 9].

Появление человека знаменовало собой первый шаг на пути формирования ноосферы, однако вплоть до появления производящего хозяйства (в эпоху завершения ледникового периода, на рубеже плейстоцена и голоцена в системе геологической периодизации) воздействие человека на природу носило сугубо негативный характер (поджоги степной растительности, массовое истребление промысловых животных и пр.).

С возникновением земледелия начинают появляться первые “островки” искусственных экосистем. В период поздней первобытности и на протяжении всей истории цивилизации они разрастаются, соединяются между собой и постепенно образуют огромные массивы искусственных ландшафтов (города, поля, дороги, в известном смысле пастбища и пр.). Постепенно массивы естественной природы оказываются охваченными искусственными экосистемами различного цивилизационного облика, сохраняясь в первоизданном виде преимущественно в труднодоступных для человека местностях.

В течение XX века массивы естественной природы стремительно приобретают рекреационный характер, остаются лишь отдельные их островки в различных местах земного шара среди преобразованного человеком пространства планеты. Само “естественное” состояние этих островков непосредственно зависит от целенаправленных усилий человека для поддержания их в таком качестве. Человечество определяет состояние природы на планете, все явственнее превращающейся в искусственную экосистему.

Внутреннее членение эпохи присваивающего хозяйства по каким-либо сущностным критериям пока еще не может быть проведено достаточно убедительно. Здесь мы видим вариативность форм адаптации раннего человечества к ландшафтному разнообразию планеты [10]. Тем более нет оснований для рассуждений о периодизации будущего информационного общества. Относительно же производящего общества в свое время была предложена следующая периодизация [7, с. 46–47]:

Эпоха развития обществ производящего хозяйства как цивилизационный процесс

(поздняя первобытность и время цивилизации).

1. **Ступень становления основ цивилизации** (в традиционной терминологии — поздняя первобытность).

а) Стадия родового строя (родовые и гетерогенные общины без надобщинных органов власти и управления).

Узловая точка — становление племенных органов власти и управления (структур чифдомов-вожеств).

б) Стадия племенного строя (чифдомов-вожеств).

Узловая точка — возникновение раннецивилизационных систем.

2. **Ступень развития и интеграции отдельных цивилизаций** (или собственно цивилизационная история).
- а) Стадия ранних (локальных) цивилизаций (раннеклассовых обществ). **Узловая точка** — “осевое время”.
  - б) Стадия зрелых, традиционных (региональных) цивилизаций (и цивилизационных ойкумен).

При таком подходе последние два столетия (которые, вслед за О.Контом, обычно называют эпохой индустриального общества) должны рассматриваться в качестве переходного периода между производящей и информационной эпохами.

Очевидно, в планетарном масштабе 90-е годы XX века можно считать временем вступления человечества (в лице наиболее развитых, правящих бал в мировом масштабе, стран) в информационную эпоху. Конечно, большинство государств еще всецело относятся к предшествующей стадии развития. Однако, поскольку протекающие в них процессы все более определяются воздействием со стороны наиболее развитых стран, то и они оказываются принципиально сопричастными началу информационной эпохи — точно так же, как охотничье-рыболовецкие этносы Сибири и Дальнего Востока были сопричастны производящему обществу царской России и СССР.

Запад и Восток в контексте глобализации человечества

Стремительный рывок вперед Японии и, вслед за ней, “восточноазиатских тигров” в послевоенные десятилетия, а также произошедший на наших глазах мощный подъем Китая заставляют по-новому осмыслить киплинговское “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут”. Следует констатировать глубочайшее взаимопроникновение Запада и Востока в течение XIX и, в особенности, XX века; причем взаимопроникновение как на материальном, вещественно-технологическом, так и на духовном уровне, тем более в системе складывающейся глобальной информационной системы. Но прежде чем рассмотреть этот вопрос, необходимо разграничить два смысла дихотомии “Восток–Запад”, восходящие, соответственно, к концепциям К.Маркса [11] и М.Вебера [12].

В традиции, идущей от К.Маркса, Запад и Восток противопоставляются в социально-экономической и политической плоскостях, и их принципиальное различие усматривается прежде всего в господствующей форме собственности. Если системообразующей основой западного общества является частная собственность, определяющая социальный статус и политические права ее субъекта, то фундаментом общества восточного выступает государственная (государственно-общинная) форма собственности, точнее, как показал Л.С.Васильев [13; 14], недифференцированная “власть-собственность”, обеспечивающая право властимущих распоряжаться общественным достоянием при выполнении ими ведущих организационно-хозяйственных функций.

При таком подходе с “Западом” однозначно следует идентифицировать Античную и Западнохристианско-Новоевропейскую цивилизации (с североамериканским и австралийским ответвлениями последней). С ним также, несколько условно, могут быть соотнесены Византия с восточнохристи-

анскими народами и Латинская Америка с некоторыми современными африканскими государствами (прежде всего — ЮАР). “Востоком” же будет Мусульманско-Афроазиатская, Индийско-Южноазиатская и Китайско-Дальневосточная макроцивилизационные системы.

Однако при другом, религиозно-этически-хозяйственном подходе, разработанном М.Вебером, конфигурации “Запада” и “Востока” оказываются другими. В данном случае основное разграничение проходит между народами иудео-христианско-мусульманской традиции и миром индийских и китайских воззрений, представленных, прежде всего, индуизмом, буддизмом, конфуцианством и даосизмом.

Запад в последнем смысле (с включением в это понятие восточно-христианских и мусульманских народов) основывается на древнееврейско-античном наследии. Для его мировоззрения характерны:

- понимание духовной основы бытия как личного Бога, творца и судии видимого мира;
- представление о человеке как существе, созданном Богом по своему образу и подобию, наделенном, соответственно, разумом, чувствами, свободной волей и деятельной природой; этим человек принципиально выделяется из множества других живых существ;
- взгляд на мир как на творение (а не проявление или порождение) Бога, принципиально отличное по сущности от Бога и переданное в пользование человеку, для удовлетворения его естественных потребностей, как предмет труда;
- вера в единственность жизни каждого конкретного человека, отсутствие определенного ответа на вопрос, существовала ли душа до рождения в теле, и ожидания вечного возмездия (в Аду или Раю) за совершенные при жизни деяния;
- гипостазирование добра (блага) и зла, однозначно связывающихся с Богом и Дьяволом, в чем не трудно усмотреть влияние зороастристского (в том числе и через гностицизм и манихейство) дуализма.

Данный комплекс идей и представлений самым непосредственным образом определял высокоэкстравертированную активность представителей конфессий иудео-христианско-мусульманского круга. Наиболее ярко это проявилось в протестантской, особенно кальвинистской, среде, этос которой, как показал М.Вебер, и стал духовной основой утверждения капиталистических отношений.

Принципиально иной комплекс мировоззренческих идей определял сознание и поведение людей Южной, Юго-Восточной, Восточной и, частично, Центральной Азии. При всех их различиях, в основе ментальности народов названных регионов лежат следующие убеждения, характерные для индуизма, буддизма, конфуцианства и даосизма:

- божество представляется имперсональной, иррациональной или, по крайней мере, абсолютно непостижимой первореальностью, которая проявляется или раскрывается в явлениях видимого мира (Брахма, Дао и пр.);
- представление о человеке как о проявлении этой божественной трансцендентности, в своем основании тождественном ему, но, в сущности, таким же образом и в такой же степени, как и все живое, как все феномены видимого мира;

- взгляд на мир как на “видимостное” (а в некоторых доктринах вообще иллюзорное), по крайней мере, не адекватное его сущности проявление (эманацию) божественной первоосновы бытия (Майя и пр.);
- вера в бесконечность феноменальных проявлений индивидуального духа (понимаемого в качестве монады, как в индуизме, или в качестве системы сцепленных дхамм, как в буддизме) через множественность перевоплощений, что означает отрицание уникальности персонального “Я” и его потенциальное тождество со всеми другими, явленными в мире, явлениями, по крайней мере, одушевленными;
- этический релятивизм, исходящий из относительности (а то и вовсе условности) моральных норм — не универсальных, относящихся ко всем людям, а имеющих смысл лишь применительно к конкретным группам людей; человек обязан жить по таким-то и таким-то правилам лишь постольку, поскольку они предписываются всему множеству людей соответствующего статуса, но при этом не обязательны для людей других статусов.

Такого рода духовные основания мировидения определяли мотивационно-деятельностное своеобразие народов Южной и Восточной Азии. Культивировалось по преимуществу не деятельное, а созерцательное отношение к окружающему миру, воспринимаемому как нечто одухотворенное и органически сопричастное сущности каждого человека.

При этом поведенческие этосы Индийско-Южноазиатской и Китайско-Дальневосточной макроцивилизационных систем различались весьма существенно. Конфуцианство ориентировало человека на упорный труд, но не в целях личного обогащения, а на благо его социума (точнее, иерархии социумов, в которые человек был включен), тогда как индуистско-буддийское сознание относилось к практической деятельности преимущественно негативно, как к фактору, отвлекающему от аскетического самосовершенствования.

Таким образом, при различных подходах понятия “Запад” и “Восток” имеют не тождественные объемы. Протестантско-католическая Европа — это в любом случае Запад, а, скажем, Китай — Восток. Но Мусульманский мир, Византийско-Восточнохристианская и Русско-Евразийская цивилизационные системы оказываются в двойственном положении. По своим социально-экономическим и политическим формам они являются или прямо восточными (исламские народы), или, по крайней мере, сочетающими в различных пропорциях западные и восточные черты. Однако их конечные духовные основания, покоящиеся на иудео-античном наследии, те же, что и у западноевропейско-североамериканских народов.

Примечательно, что сама дихотомия “Восток-Запад” (в частности, в социально-экономическом их понимании) имеет непосредственный исторический смысл именно по отношению к производящей эпохе, охватывая приблизительно десять последних тысячелетий. Как было показано ранее [15], на стадии поздней первобытности рост общественного производства в решающей степени определяется усовершенствованием либо организации производства через коллективизацию труда (ирригационное земледелие и пр.), либо за счет совершенствования орудий труда (что связано с развитием металлургии) при преимущественно индивидуализированном (парцеллярном) аграрном производстве.

Первый вариант обеспечивает утверждение цивилизаций древневосточного типа, начиная с Египта и Шумера. На Ближнем Востоке соответствующие тенденции (следы ирригационного земледелия) археологически улавливаются с VIII–VII тысячелетий до н.э. Параллельно в нео-энеолитической Европе мы наблюдаем развитие общин с парцеллярными домохозяйствами, которые смогли осуществить решающий скачок в производительности труда (выйдя на уровень, необходимый для утверждения основ цивилизации) лишь с переходом к железному веку.

Не следует абсолютизировать социально-экономическую противоположность Востока и Запада.

Господство государственно-бюрократического способа производства (достигавшее своих ужасающе гипертрофированных масштабов в Древнем Египте, Шумере времен III династии Ура, средневековой камбоджийской империи Ангкор, инкском Перу, сталинском СССР и маоистском Китае) в большинстве древних и средневековых цивилизаций Востока так или иначе дополнялось частным сектором с присущими ему товарно-рыночными отношениями.

Соответственно, и Запад не обходился без государственного вмешательства в экономическую жизнь. Во многих случаях правительство брало на себя и собственно организационно-хозяйственные функции, как, скажем, создание системы королевских мануфактур во Франции при Генрихе IV или, в куда более масштабных формах, подчинение экономики в воюющих странах Европы (прежде всего — Германии) милитаризованным государственным программам во время Первой мировой войны.

XX век продемонстрировал и крайнюю поляризацию как западного, товарно-рыночного, так и восточного, государственно-планового, принципов организации экономической жизни (США с Великобританией в первой трети столетия, с одной стороны, и СССР с КНР в периоды после коллективизаций — с другой). Однако, доведенные до своего логического предела, обе эти системы оказались в тяжелейшем кризисе.

Кризис капиталистического общества со всей полнотой явил себя в 1929 году и последующие годы “великой депрессии”. Его преодоление было связано с решительным дополнением рыночных регуляторов государственными, если угодно — командно-административными. Приатлантический Запад, прежде всего США, но также и Великобритания с Францией ориентировались в этом деле на концепцию Дж.Кейнса, ставшую идейной основой “нового курса” Ф.Рузвельта. Та же направленность на установление государственного контроля над частным капиталом при взаимодополнении принципов рыночной и плановой регуляции определяла, в сущности, и экономический курс национал-социалистов в Германии. Однако политика последних, основываясь на квазимифологично-преступной идеологии, привела соответствующие режимы к быстрому краху.

В результате разгрома нацизма и утверждения в Западном мире гегемонии США основанный на кейнсианстве атлантический вариант реорганизации глубинных основ буржуазного общества полностью возобладал и обеспечил стремительный экономический взлет послевоенной Западной Европы. Острейший кризис Западной цивилизации как таковой, потрясавший ее основы между 1914 и 1945 годами, был преодолен в кратчайшие сроки. Из полосы тяжелых испытаний западный мир вышел обновленным.

Его основы не были поколеблены даже распадом колониальной системы. Наоборот, малоэффективный колониализм британско-французского образца был заменен выработанным в США неоколониализмом. Куда большую опасность для Запада представлял СССР, стремившийся (по идеологически-политическим мотивам) к мировому господству в не меньшей мере, чем сам Запад (где эта страсть питалась прежде всего экономическими интересами крупного капитала).

“Холодная война”, с ее беспрецедентной гонкой вооружений и пропагандистской рекламой принципиально различных “образов жизни”, истощила СССР, ослабленный резкой конфронтацией с коммунистическим Китаем в 60–70-е годы. Однако коренной причиной краха СССР и провала эксперимента построения коммунизма советского образца были внутренние пороки его общественной системы.

Советский эксперимент показал, что новую цивилизацию невозможно построить на безрелигиозном (тем более антирелигиозном) идейном фундаменте. Советское общество не имело внутреннего духовного фундамента. К тому же коммунистический строй не сумел создать работающей системы трудовых мотиваций. Когда репрессивная машина начала сбавлять обороты, стало очевидным, что за мизерные зарплаты во имя эфемерных лозунгов добросовестно работать мало кто станет. Поэтому можно только удивляться, как долго здесь сохранялись люди, самоотверженно трудившиеся, заведомо зная, что их усилия материально компенсированы не будут. Объяснить это можно только инерцией народно-христианского отношения к труду как к внутреннему долгу. Однако сила этой инерции иссякала и в настоящее время почти выдохлась.

Как отмечает Ю.Н.Пахомов [7, с. 225–260], существеннейшим моментом было то, что советский коммунизм, общественно-экономический строй которого основывался на государственно-плановом регулировании всего народнохозяйственного механизма, вовремя не сумел соединить командно-административные регуляторы с рыночными механизмами. Такие попытки предпринимались, в больших или меньших масштабах, неоднократно (НЭП, неуклюжие хрущевские преобразования, попытка проведения реформы А.Н.Косыгиным в середине 60-х годов). Однако каждый раз они оборачивались провалом.

Крах всех попыток реформирования советской системы определялся не только некомпетентностью партийных лидеров, но в еще большей степени их незаинтересованностью, нежеланием выпускать из своих рук какие-либо секторы хозяйственной, общественной и культурной жизни. Не усматривая в проведении рыночных реформ острой необходимости, они не хотели рисковать, не будучи уверены в том, что в условиях экономической либерализации сумеют сохранить над обществом всю полноту прежнего контроля.

Иная ситуация характерна для Дальнего Востока. Уже великие преобразования в Японии, начавшиеся сразу после революции 1868 года, продемонстрировали сознательное, целенаправленное стремление правительства во главе с императорским домом создать систему, опирающуюся на инвариантные основы национально-цивилизационной идентичности, при широкой, но продуманной, избирательной адаптации к ним западных передовых достижений, необходимых для выживания в мире колониальных захватов. Конечно, как показала история, не все было сделано с самого

начала верно. Япония впала в соблазн милитаризма и поплатилась за это разгромом во Второй мировой войне. Однако сама кардинальная программа была определена правильно, что подтверждается экономическим взлетом Японии (а затем и опиравшихся на ее опыт Южной Кореи и Тайваня) в послевоенные десятилетия.

Еще большее всемирно-историческое значение приобретает модернизация Китая 80–90-х годов, демонстрирующая умелое и эффективное соединение государственно-плановых и рыночных механизмов регуляции экономической жизни в масштабах огромной страны. Благодаря включению рыночных механизмов, однако при сохранении политической стабильности жесткими методами, страна в считанные годы преодолела экономическую разруху и обеспечила стабильный, с высокими темпами рост производства. Эта позитивная тенденция сохраняется по сей день. Потрясающий Азиатско-Тихоокеанский регион финансовый кризис 1998 года Китай фактически не затронул.

Таким образом, в современном мире мы видим две конкурирующие модели экономического роста — Западную, Североатлантическую, и Дальневосточную. Обе они основаны на тонком сочетании государственно-плановых и рыночных механизмов. Однако их принципиальное отличие состоит в том, что в первом случае кризис был порожден гипертрофией частно-рыночных отношений, и его преодоление было связано с включением механизмов централизованной регуляции кейнсианского образца. Во втором же — наоборот, кризис определялся доведением до абсурда принципа государственного управления народным хозяйством, а его преодоление обеспечивалось включением рыночных механизмов, компенсирующих односторонность командно-административной системы.

Если смотреть на вещи в масштабах всемирно-исторического процесса, XX век продемонстрировал исчерпание возможностей как традиционно восточного, так и традиционно западного типа социально-экономического развития и предложил две формы их синтеза: Североатлантическую и Дальневосточную. Первая, реализованная на Западе в течение второй трети уходящего века, с крахом СССР обеспечила себе планетарное преобладание. Но вторая, только начавшая раскрывать свои широкие возможности в течение двух последних десятилетий, при дальнейшем сохранении той же тенденции должна обеспечивать себе в обозримом будущем не менее важную роль в цивилизационном развитии наступающего века.

Иными словами, две основные линии социально-экономического развития, оформившиеся в мировом масштабе еще на стадии поздней первобытности, в XX веке продемонстрировали свои предельные формы, исчерпали — как таковые — собственные продуктивные возможности и вступили в процесс глобального взаимодействия, обогатившись использованием ранее не свойственных каждой из них регуляторов: западная — планового, а восточная — рыночного. С таким состоянием своих общественно-экономических систем Североатлантический Запад и Дальний Восток вступают в информационную эпоху.

Менее определенно просматриваются и различные формы синтеза базовых принципов религиозно-мировоззренческих традиций западного — иудео-христианско-мусульманского — и восточного — индуистско-буддийско-конфуцианско-даосского — миров. Вопрос о необходимости их синтеза,

поставленный еще Мани в III веке, неоднократно поднимался как в Азии, так и в Европе в последующие столетия. XX век в этом отношении дал множество имен и подходов, однако ни один из предложенных вариантов такого синтеза во всемирном масштабе не смог составить конкуренции традиционным религиям типа ислама, христианства или буддизма.

Вместе с тем нельзя не заметить, что монотеистические идеи в той или иной форме становятся все более привычными в регионах Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, тогда как концепция перевоплощений, хорошо известная в Античном мире (орфики, Пифагор, Платон, Плотин и пр.), со времен А.Шопенгауэра становится все более популярной на Западе. При этом Восток все больше ценит западную активистскую, направленную на активное преобразование мира установку, тогда как на Западе распространяется близкое к восточному мироощущению восприятие природы как самоценной данности, на которую человек не вправе смотреть лишь как на объект удовлетворения собственных потребностей. В отдаленной перспективе эти тенденции могут привести к постепенному становлению некоего надконфессионального глобального сознания.

Глобализация и цивилизационная дискретность человечества

Как известно, инициатором глобализации и ее локомотивом выступал и выступает Запад. К моменту начала его всемирной экспансии на планете уже столетиями существовала система взаимосвязанных (в пределах Старого Света) региональных цивилизаций. Каждая из них (Китайско-Дальневосточная, Индийско-Южноазиатская, Мусульманско-Афроазиатская, а также северная филиация Восточнохристианского мира, стремительно разраставшаяся в Русско-Евразийский мир) имела вполне определенные, свойственные именно ей социокультурные, в частности религиозно-ценностно-мотивационные основания, а также сбалансированную на основании многовекового опыта систему взаимодействия общества и окружающей среды.

Своей колониальной экспансией Запад уничтожил одни (как доколумбовые цивилизации Америки), подчинил другие (Индия, Северная Африка, Юго-Восточная Азия и пр.) и дестабилизировал третьи (как Китай, Иран и пр.) социокультурные системы [16; 17; 7]. Реальное сопротивление оказали лишь Россия, сознательно перенимавшая многие, главным образом военно-технические, достижения Запада, и Япония, сохранявшая невосприимчивость к западным воздействиям на протяжении двух с половиной веков.

В настоящее время становится все более ясным, что победа коммунизма в православной России, а затем и в конфуцианском Китае (в абсолютном большинстве других стран он был навязан СССР) была не чем иным, как своеобразной реакцией на западную экспансию во всем многообразии ее проявлений. Традиционалистская среда отторгала базовые ценности Запада (индивидуализм, рационалистический прагматизм, культ денег и пр.) как нечто чужеродное и разрушительное [18, с. 482–483]. Русская, Китайская и Иранская революции это выразительно засвидетельствовали.

С развалом СССР ситуация существеннейшим образом изменилась. На смену биполярному миру времен “холодной войны” пришел мир полицентрический, в котором Запад, прежде всего в лице единственной сверхдержавы современности — США, стремится утвердить новый мировой

порядок в интересах именно Запада, мало считаясь при этом с интересами других цивилизационных регионов и государств.

В качестве основных цивилизационных систем, взаимодействующих с Западом и испытывающих непосредственное воздействие с его стороны, в настоящее время выступают: постсоветское (где преобладает Россия) и латиноамериканское пространства, имеющие в значительной степени родственный со странами Запада социокультурный фундамент, а также Мусульманско-Афроазиатская, Индийско-Южноазиатская (при доминировании Индии) и Китайско-Дальневосточная (при ведущей роли Японии и Китая) системы. При этом Тропическая Африка, находящаяся в неколониальной зависимости от Запада, не имеет определенной цивилизационной идентичности: поверхностная исламизация многих ее государств (при некотором налете христианства у других) не отменяет глубинной укорененности ее этносов в мире традиционных, глубоко архаических верований.

Выше уже шла речь о выдающихся успехах стран Азиатско-Тихоокеанского региона, основанных на умелой адаптации новейших западных достижений к собственным цивилизационным традициям, также видоизменяющимся (при сохранении базовых инвариантов) в соответствии с требованиями времени. Объяснить чисто экономическими причинами подъем Дальнего Востока во второй половине XX века, равно как и Западной Европы XVI–XVIII веков, невозможно. Главными факторами представляются присущие им системы цивилизационных ценностей и сформированные на их основе люди определенного качества.

Запад и Дальний Восток отличаются прежде всего системами ценностей. Для Западнхристианско-Новоевропейского мира к ним традиционно относились: личность, затем свобода, равенство, братство, труд, эквивалентный обмен, частная собственность, закон (право), а также (вытекающие из них) развитие, совершенствование, прогресс. Для мира Дальнего Востока — это государство, затем мир, порядок, традиции, иерархия, ритуал, прошлое конфуцианское знание и, наконец, обеспечиваемая ими стабильность, порядок, гармония.

Как отмечает Э.С.Кульпин [19, с. 152–155], хотя каждая из этих двух систем равновесна и рациональна, их характер и тип равновесия, в соответствии с базовыми ценностями, весьма различны. Для Западной цивилизации характерно напряженное, неустойчивое, динамическое равновесие, связанное с противоречивостью фундаментальных ценностей (например, свободы и равенства). Китайско-Дальневосточному миру, наоборот, присуща высокая степень гармоничности системы ценностей, уравновешенность и сбалансированность. Эта специфика и определяет принципиальные отличия истории и традиционного состояния Западного и Дальневосточного миров.

Из очерченных систем ценностей Запада и Дальнего Востока хорошо видно, почему первый склонен (во всяком случае, до последнего времени был склонен) к динамизму, порыву во вне, тогда как второй традиционно ориентирован на устойчивость и прибегает к модернизации лишь при наличии вызова (в тойнбианском смысле) и только для того, чтобы обеспечить себе стабильность в новых, изменившихся условиях.

Однако похоже на то, что последнее — свойство не только Китайско-Дальневосточного, но и всех других незападных цивилизационных миров, по крайней мере Мусульманско-Афроазиатской и Индийско-Южноазиат-

ской. К устойчивости, стабильности, равновесию стремились и Византия, и Московское царство, и Российская империя. Но это им удавалось куда хуже, чем, скажем, Китаю или Японии, главным образом в силу недостаточно рациональной системы общественной организации и внешних обстоятельств, в частности по причине постоянных дестабилизирующих импульсов со стороны динамически развивавшегося Запада.

С другой стороны, вслед за Н.Я.Данилевским [20], О.Шпенглером [21] и А.Дж.Тойнби [22], можно представить дело и так, что в период своего становления и подъема каждая культура-цивилизационная система проявляет динамизм, однако с определенного момента, исчерпав свои творческие потенции и достигнув максимально возможных для нее пределов, она все более начинает ценить стабильность и покой, больше опасаясь утратить уже обретенное, нежели желая обрести нечто новое.

Не следует забывать, что Китаю потребовалось тысячелетие (XIII–II века до н.э.), чтобы выработать и утвердить в общественном сознании свою ценностную систему (основанную в идейном плане на конфуцианско-даосском дуализме, позднее дополненном буддизмом) и освоить то пространство, которое понимается как собственно Китай. Тысячелетие (приблизительно в тех же хронологических рамках) ушло на аналогичную работу и в Индии. Казалось бы, этот процесс протекал быстрее в Мусульманском мире. Однако не следует забывать, что ислам охватил прежде всего ареал высоких древних цивилизаций Передней Азии и Северной Африки, где ставшие его основой ценности вызревали тысячелетиями. То же следует сказать и о Византии.

Поэтому вполне возможно, что ценностно-мотивационная основа Западной цивилизации как главного разработчика и созидателя “глобального человечества” начинает на наших глазах претерпевать коренные изменения, не способствующие духовно-деятельному обеспечению западного господства в мире в отдаленной перспективе.

В этой связи привлекает внимание концепция Д.Белла относительно культурных противоречий капитализма второй половины XX века [23]. В ней акцентируется внимание на разрушающем воздействии на ценностную основу капиталистического общества (построенную на протестантской этике) рекламной продукции “общества массового потребления”, пропагандирующей “материалистический гедонизм” и “философию счастья” сиюминутной жизни. По его мнению, внутренне опустошив пуританское мировоззрение, оказавшись неспособной создать новую позитивную (смысловую-жизненную) идеологию, американская буржуазия продолжала употреблять старые, уже лишённые смысла, лозунги и символы.

Таким образом, в постиндустриальном (раннеинформационном) обществе Запада личность оказывается ориентированной в двух противоположных направлениях: традиционный дух капитализма требует упорного труда как самоцели при максимальной рационализации жизненного поведения, тогда как массовая культура, обслуживающая основанное на расширенном воспроизводстве общество массового потребления, всей мощью современных электронных средств стимулирует утверждение в сознании каждого нового поколения (по экспоненте) потребительского отношения к жизни, а следовательно, и негативного отношения к тем классическим буржуазным ценностям, на которых и вырос капитализм.

Итак, мы видим, что в наступающую эпоху конфликт между квазиценностями массовой культуры, формирующими “одномерного человека” [24] в одномерном же обществе массового потребления, и традиционными ценностями приобретает универсальный, глобальный характер. Он присущ не только незападным, традиционалистским обществам мусульманского, индуистского или конфуцианского образца, равно как и квазитрадиционалистскому постсоветскому пространству, но и самому Западу (прежде всего в лице США) — мировому авангарду, влекущему всех в информационную эпоху. Здесь уже начинают оказывать выработанные в прошлом приемы и механизмы. В частности, утрачивает дееспособность “плавающий тигель” социокультурной адаптации, и сегодня группы эмигрантов из многих стран, в особенности Восточной Азии, стремятся к сохранению своей социокультурной идентичности, активно используя в этих целях новейшие средства массовой коммуникации. Благодаря развитию электронных средств общения цивилизационная самобытность может приобрести второе дыхание, раскрыться совершенно иными гранями.

Поэтому едва ли не наиболее актуальным становится вопрос о возможности позитивной актуализации идейно-ценностных мотиваций каждой цивилизационной системы применительно к потребностям новых информационно-технологических реалий рубежа тысячелетий. Проблемой становится и преодоление противоречия между высокими ценностями всех без исключения культур-цивилизационных систем и одномерной примитивностью массовой культуры.

В определенном смысле формы массовой культуры в виде обрядово-культурных действий, карнавалов, шествий и пр. были присущи всем обществам во все эпохи. Однако в традиционных цивилизациях они были своего рода средством популяризованно-эмоционализированной трансляции в неграмотные массы высоких религиозно-нравственных ценностей, в то же время играя роль компенсаторов повседневной жизненной рутины.

Принципиально иной характер приобрела сегодняшняя глобально-массовая культура, развившаяся из массовой культуры США двух межвоенных десятилетий. Она также выполняет компенсаторные функции, но преимущественно не благодаря подключению человека к высшим духовным ценностям, а за счет пробуждения в нем либидинозно-агрессивных импульсов. В этом отношении современная массовая культура американского образца играет двойственную роль. С одной стороны (и это ее позитивный момент), она обеспечивает своеобразный катарсис. Но в то же время она тиражирует нормативность асоциального или, по крайней мере, девиантного поведения.

Как видим, становление информационного общества связано с острыми коллизиями в сфере культуры и общественной психологии, с конфликтом между традиционными ценностями — не важно, христианства, ислама или буддизма — и одномерной массовой культурой. Такое положение дел имеет и глубокий религиозно-философский аспект.

Все высшие традиционные культуры последних двух — двух с половиной тысячелетий (с момента того духовного переворота, который начался в Греции, Иудее, Иране, Индии и Китае в середине I тысячелетия до н.э., в эпоху “осевого времени” и результаты которого на уровне массового сознания были закреплены в ценностях высших религий — иудаизме, зороастризме, христианстве, исламе, индуизме, буддизме, конфуцианстве, даосизме)

были ориентированы на установление интимно-личностного контакта человека как нравственно ответственного субъекта деятельности с божественным первобытием как аккумулятором, носителем и транслятором высших духовно-нравственных ценностей. Благодаря этому индивид как личность получал трансцендентное измерение, ощущал свою укорененность в сакральности первобытия или как минимум органическую приобщенность к нему. В результате преодолевалась одномерность обыденного бытия монотонной повседневности, и жизнь получала высшее освящение.

Нынешняя же массовая культура, торжествующая по мере ускорения становления информационного общества в планетарном масштабе, выполняет прямо противоположную роль.

Тоталитарные режимы целенаправленно использовали средства массовой информации для оболванивания масс и направления их энергии на определяемые коммунистическими или фашистскими вождями цели. Однако ввести большинство населения нацистской Германии или коммунистического СССР в идеологическую одномерность было невозможно в силу, прежде всего, неразрешенности для основной массы людей сугубо бытовых, обыденных проблем. Тоталитарные режимы не могли удовлетворить самые простые потребности человека индустриального общества. Это относится не только к коммунистическим странам, где наблюдался массовый голод, но и к фашистским режимам, если иметь в виду быт не только господствующей нации, но и подчиненных ей народов.

Гораздо успешнее работа по “одномеризации” сознания осуществляется в обществах массового потребления. Здесь естественные потребности основного множества индивидов не только удовлетворяются, но, более того, их следует всячески провоцировать и раздувать ради реализации очередных партий товаров, то есть для того, чтобы социально-экономическая система, основанная на обороте капитала и расширенном воспроизводстве, продолжала развиваться или, по крайней мере, функционировать в прежнем режиме.

В обществе, где основная масса рекламируемых товаров в принципе доступна основной массе населения, их реклама выступает сильнейшим средством духовного нивелирования общества. Это в первую очередь относится к преуспевающему Западу. Но там, где рекламируемая продукция у большинства только тщетно разжигает аппетит, поскольку не может быть приобретена, причем не только сегодня, но и в принципе, никогда — электронные средства массовой информации лишь обостряют конфликтность массового сознания.

Нищим навязывают нормативность стандартов высокого уровня потребления. Но реально такой уровень потребления доступен лишь небольшим процентам населения. Втягиваемое же в одномерность большинство не может отделаться от самых элементарных жизненных проблем. Во многих случаях это определяет уход в сектантство или традиционную формально-обрядовую, неизменно чреватую ханжеством, религиозность — теневую сторону одномерности массовой квазикультуры.

Сказанное относится ко всему множеству западных стран — от африканских и латиноамериканских до арабских или индокитайских, от Индии и Китая до Украины и России. Однако среди них в лучшем положении оказываются те народы, у которых еще крепки собственные традиционные национально-цивилизационные основания духовности (как, например, в

Индии), и социально активные общественные группы видят реальную перспективу улучшения условий жизни в среднесрочной перспективе (прежде всего речь идет о Китае). Мы же, к сожалению, в данный момент не можем похвастаться ни тем, ни другим. Поэтому с уверенностью можно предполагать, что для нас глобализация чревата дальнейшим усугублением социокультурного кризиса.

Пути поиска позитивной альтернативы

Вышеизложенные соображения позволяют сделать некоторые выводы и поставить вопрос о поисках оптимальной стратегии развития для незападных обществ (к которым относятся не только Нигер или Лаос, но и, вопреки расхожим иллюзиям, также Украина с Россией).

Прежде всего, глобализация не только неотвратима, но уже реально произошла. На задворках истории, в отсталых странах она зачастую еще не вполне самоочевидна, однако дух и облик передовых государств Запада и Дальнего Востока уже вполне преобразен ею. Однако реализация глобализационных тенденций менее всего обеспечивает выравнивание жизни народов Земли по высокой планке качества жизни. Наоборот, разрыв между передовыми и отстающими, богатыми и бедными, эксплуатирующими и эксплуатируемыми странами все более возрастает, становясь практически необратимым.

Человечество приобретает характер иерархической пирамиды, богатая верхушка которой растет ввысь за счет неизменно расширяющегося основания бедных. Посткоммунистические государства в этом отношении стремительно перемещаются из средней в низшую категорию. К примеру, по международным критериям качества жизни и человеческого капитала Украина за первую половину 90-х годов переместилась с вполне пристойного 45 места в мире на 102 [26, с. 10].

При этом следует заметить, что в уходящем столетии два традиционных типа общественной организации, условно называемые восточным и западным, в полной мере раскрыли свои возможности и с интервалом в несколько десятилетий оказались в состоянии глубочайшего кризиса, порожденного в одном случае гипертрофией рыночной, в другом — плановой регуляции экономики. В глобальном отношении преодоление этих кризисов было связано с дополнением рыночных регуляторов государственными на Западе и централизованных — рыночными на Дальнем Востоке. С переходом от производящей эпохи к информационной альтернативность рынка и плана снимается осознанием их принципиальной взаимодополняемости в современных условиях.

В мировом масштабе к настоящему моменту только Китайско-Дальневосточная цивилизационная система сумела найти эффективные способы адаптации новейших технологических достижений к собственным социокультурным, духовно-ценностным основаниям. Этот факт позволяет предполагать принципиальную возможность успеха на этом пути и других цивилизаций, тем более, что в некотором смысле они уже демонстрируют способность соединения собственных традиционных оснований с новейшими западными достижениями.

Так, к примеру, консервативные монархии Аравии, используя огромные доходы, получаемые от продажи нефти, приступают к созданию на

своей территории высокотехнологичных наукоемких производств, а Индия — страна с колоссальной традицией абстрактно-теоретического, в том числе и математического, знания — постепенно выходит на первый план в развитии информационных систем.

Однако возможность чего-то вовсе не означает неизбежную реализацию этой возможности. Даже Китай, переживающий на рубеже тысячелетий невероятный экономически-технологический подъем, может сорваться, столкнувшись с непреодолимыми социокультурными сложностями, порождаемыми чрезвычайно быстрыми темпами его развития. В других же регионах (Мусульманский мир, Индия, Латинская Америка, постсоветское пространство, Африка) в целом пока серьезных предпосылок для прорыва в первый эшелон информационного общества не наблюдается. Во многих, если не в большинстве, этих странах мы видим скорее системную деградацию, нежели созревание предпосылок для стремительного скачка.

Следовательно, нельзя отрицать возможность того, что в наступающем веке реализуется нечто в духе антиутопии А.А.Зиновьева [3], согласно которой Запад, окончательно утвердив свою власть над планетой, благодаря высочайшим технологиям и колоссальному военно-техническому превосходству покорит весь мир и создаст высокоиерархизированную глобальную макроцивилизацию, в которой прочно обеспечит себе господствующее положение, обрекая остальное человечество на неокOLONиальное прозябание.

Однако данный прогноз представляется маловероятным. Как уже неоднократно подчеркивалось, на передовые позиции выходит Китай. Западу едва ли удастся его разрушить, тем более по той схеме, по которой была достигнута победа над СССР. Китай, в целом, гомогенная в национальном отношении страна, и если бы даже Тибету и Синцзянь-Уйгурии удалось отделиться (что сегодня не представляется возможным), мощь Китая и сила его роста практически не пострадали бы.

В отличие от СССР, Китай практически гомогенен и в цивилизационном плане. Его социокультурные основания предполагают наличие у людей системы качеств, обеспечивающих успех в современном мире. Навязывание ему Западом идеалов общества потребления порождает определенные социокультурные противоречия, однако не влечет за собой общественных конфликтов такой силы, которая могла бы подорвать глубинный фундамент государственного монолита.

При этом современные тенденции развития самого Запада чреваты очередным кризисом.

Во-первых, с образованием Объединенной Европы в пределах самого Запада более выразительно оформились две субцивилизационные системы: Североамериканская и Европейская (не говоря об Австралийской), что отдаленно напоминает дифференциацию Римской империи на собственно римский Запад и Византию (фактически также разделенные морем). Конкуренция между двумя частями Западного мира в перспективе может нарастать, что будет внутренне подталкивать его силы.

Во-вторых, на рубеже веков наглядно проявляется отмеченное Д.Беллом [23] противоречие между традиционными ценностями, обеспечившими успех капитализма, и квазикультурными ценностями массовой культуры, внедрение которых является необходимым условием самого существования западной экономической системы на современном этапе ее развития.

В-третьих, процесс утверждения мирового господства Запада неизбежно наталкивается на разрозненное, но непредсказуемое в своих дальнейших формах сопротивление всего остального, не западного, человечества. Пока речь идет, главным образом, о Китае, непосредственно не приносящем вреда Западу, однако в перспективе способном составить ему опаснейшую конкуренцию, и о Мусульманском мире, где антизападные фундаменталистские группировки слишком разобщены и слабы для того, чтобы реально противостоять Западу как таковому, однако достаточно мобильны и энергичны для того, чтобы постоянно тревожить его “булавочными уколами” в виде террористических актов и т.п.

Однако непредсказуемым в перспективе остается и поведение России, взявшейся с приходом к власти В.Путина за укрепление своих традиционных государственных оснований и, похоже, надолго распрощавшейся с прозападническими иллюзиями десятилетней давности. Сегодня Россия заняла на мировой арене приблизительно то место, которое ей принадлежало в первой половине XVII века в правление Михаила Романова, после Смутного времени и до присоединения Украины. В настоящий момент она не может играть роль не только конкурента, но и значительного противовеса Западу. Но это не исключает возможности усиления России в будущем, в случае нахождения баланса между государством и частным предпринимательством, нарастания отчуждения между Северной Америкой и Западной Европой и усиления Китая. Более того, в комбинации с другими антизападными силами она и сейчас (еще обладая значительным военным потенциалом) способна оказывать влияние на ход мирового процесса.

Осознание этого нового места России в мире ощущалось в проектах В.Примакова относительно создания треугольника Москва — Пекин — Дели и в его внимании к странам Мусульманского мира. Логично было бы ожидать, что В.Путин продолжит политику в том же направлении. При этом в еще большей мере в сближении с Россией заинтересованы Китай и Индия. Им требуется современное вооружение, большой рынок сбыта не всегда качественных, но дешевых товаров, а также потенциальный, еще сохраняющий отблески былого величия партнер в деле отстаивания своих интересов в отношениях с Западом.

Поэтому представляется, что слухи о “смерти истории” сильно преувеличены. Используя понятийный аппарат синергетики, можно сказать, что сегодня, в 2000 году, мы находимся в точке бифуркации всемирно-исторического масштаба.

Заканчивается десятилетиями цикл человеческой истории, начало которого отмечено первыми земледельческо-скотоводческими общинами Ближнего Востока и каменной башней Иерихона. Человечество превратилось в единую планетарную структурно-функциональную макросистему, которая (в качестве таковой) делает свои первые шаги. И здесь, по законам синергетики, в ситуации крайней неустойчивости формирующейся системы, любая случайность может привести к отклонению процесса в том или другом направлении, вероятность которого в данный момент теоретически может представляться ничтожной.

Перед человечеством сегодня открывается широкий спектр возможностей дальнейшего движения, в пределах которого всемирное многовековое господство Запада представляется лишь одним из умоглядно допустимых сценариев, реализация которого вовсе не предрешена. Похоже, что

именно сейчас, на рубеже XX–XXI столетий, Запад проходит свой апогей. Во времени совпали его победа над СССР, создание подчиненной ему всемирной системы массовых коммуникаций, экономическое доминирование в мировом масштабе транснациональных компаний (преимущественно западного происхождения) и еще не завершившийся процесс выхода на передовые рубежи всемирно-исторического развития Китая.

Ближайшие два десятилетия могут продемонстрировать принципиальное изменение расстановки мировых сил, в частности полномасштабную конкуренцию Западного и Дальневосточного мировых центров опережающего развития. Поэтому гипотетически не исключено, что и постсоветские страны, оказавшиеся в настоящее время на обочине всемирно-исторического процесса, имеют шансы со временем обрести достойное место в мире III тысячелетия. Потенциально будущее открыто для всех, однако его призы получают не многие.

Литература

1. Полас С. Нострадамус 1999. Кто выживет? — К., 1997.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3.
3. Зиновьев А.А. Глобальный человек. — М., 1997.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. — 1994. — № 3.
5. Чейлд Г. Прогресс и археология. — М., 1949.
6. Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації: соціокультурний розвиток людства. — К., 1996.
7. Пахомов Ю.Н., Крымский С.Б., Павленко Ю.В. Пути и перепутья современной цивилизации. — К., 1998.
8. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. — М., 1988.
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. — М., 1987.
10. Павленко Ю.В. Шляхи розвитку первісного суспільства // Археологія. — 1990. — № 2.
11. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. — Т.46. — Ч. 1.
12. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий. Введение // Вебер М. Избранное. Обзор общества. — М., 1994.
13. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. — М., 1982.
14. Васильев Л.С. Что такое азиатский способ производства? // Народы Азии и Африки. — 1988. — № 3.
15. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. — К., 1989.
16. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. — СПб., 1995.
17. Васильев Л.С. История Востока: В 2-х т. — М., 1993. — Т. 2.
18. Зиновьев А. Коммунизм как реальность. После коммунизма. — М., 1994.
19. Кульпин Э.С. Бифуркация Восток–Запад. Социоестественная история. — М., 1996.
20. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. — М., 1991.
21. Шпенглер О. Закат Европы. — М., 1993. — Т.1.
22. Тойнби А.Дж. Постигание истории: В 2-х т. — М., 1991.
23. Bell D. Cultural contradictions of capitalism. — N.Y., 1975.
24. Маркузе Г. Одномерный человек. — М., 1994.
25. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М., 1991.
26. Сіденко С.В. Соціальний вимір ринкової економіки. — К., 1998.